

Sergei Davydov

Middlebury College, USA

Shishki on Adam's Head: Literary Hoaxes by Pushkin, Khodasevich and Nabokov

Сергей Давыдов

Миддлбери Колледж, США

О мизинце Булгарина и шишках на Адамову голову: Мистификации Пушкина, Ходасевича и Набокова.

Ровно через сто лет после пушкинского розыгрыша Булгарина и Греча статьей «О мизинце г. Булгарина» (1831), которую Пушкин подписал именем «Ф. Косичкин», Владимир Набоков (Сирин) нажил себе своего «Булгарина и Греча» в лице двух Георгиев - Адамовича и Иванова, ополчившихся на страницах эмигрантской печати против его творчества. Иванов в рецензии на первые книги Сирина обозвал автора «пошляком-журналистом, графом самозванцем, втирающимся в высшее общество, кухаркиным сыном, черной костью, смердом» («Числа».1930. № 1. 233-236).

Своей рецензией Иванов задал тон для «травли» Сирина молодыми парижскими литераторами, сгруппировавшимися под руководством Г. Адамовича вокруг альманаха «Числа». Сирин принял вызов достойно и на протяжении многих лет не упускал случая парировать остроумными мистификациями и розыгрышами, о которых пойдет речь.

Необходимо напомнить, что Сирин выступил против Адамовича и Иванова не только лишь из личных побуждений. Он также вступился за честь Пушкина, на которого, подобно Чернышевскому и Писареву в прошлом веке, начали поднимать руку Адамович и Иванов. Вместе с главным опекуном «пушкинского хозяйства» в эмиграции, Владиславом Ходасевичем, Сирин, для которого «мерой для степени чутья и даровитости русского критика служит его отношение к Пушкину», встал на защиту поэта («Дар»).

В споре с Адамовичем о будущем русской поэзии, Ходасевич настаивал на необходимости продолжать пушкинскую линию. Адамович подвергал сомнению жизнеспособность пушкинской модели и призывал молодых поэтов отвернуться от Пушкина. Парижский журнал «Числа», бойкотировавший «классиков» (Булнина, Куприна, Ходасевича) и ожесточенно нападавший на Сирина, стал трибуной анти-пушкинской кампании. (1) Согласно Адамовичу:

Пушкин иссякал в тридцатых годах, и не только Бенкендорф с Натальей Николаевной в том повинны. Пушкина точил червь простоты. («Числа». №1. 142)

Пушкину еще удалось спасти грацию от уже закрадывавшейся туда глупости. («Числа». № 2/3. 168)

Непонятно, когда это успели накурить перед ним столько благонамеренного фимиама, что за дымом ничего уже не видно. К фимиаму большинство и льнет: удобно и спокойно. («Числа». № 7/8. 159)

Нападки Адамовича охотно подхватили его ученики. Борис Поплавский заявил в «Числах»:

А все удачники жуликоваты, даже Пушкин. А вот Лермонтов, это другое дело. Пушкин – дитя Екатерининской эпохи. Максимального совершенства он достиг в ироническом жанре – «Евгений Онегин». Для русской же души все серьезно, комического нет, нет неважного, все смеющиеся будут в аду [...].

Лермонтов, Лермонтов, помяни нас в доме отца твоего! Как вообще можно говорить о Пушкинской эпохе. Существует только Лермонтовское время [...] («Числа». № 2/3. 309-310).

Et pour la bonne bouche еще одно аппетитное высказывание:

Пушкин последний из великолепных мажорных и грязных людей возрождения. Но даже самый большой из червей не есть ли самый большой червь? («Числа» № 4. 171)

В отличие от Ходасевича, защищавшего Пушкина в критических статьях, Сирин избирает другое оружие. На манер Феофилакты Косичкина, он разыгрывает гонителей Пушкина шаржами и мистификациями.

В 1931 г. Сирин напечатал в газете «Руль» отрывок «Из Калмбродовой поэмы “Ночное путешествие”», выдав его за перевод из поэмы “The Night Journey” выдуманного английского поэта. Вивиан Калмбруд, под именем которого анаграмматически был загримирован Владимир Набоков, беседует в дилижансе с поэтом Ченстоном о литературе.

Вспомним, что Шенстона когда-то придумал Пушкин, приписав ему трагикомедию “The Covetous Knight”, которую он якобы перевел в «Скупом рыцаре». Таким образом, мы имеем дело с двойной мистификацией. Сирин вкладывает в уста пушкинского Шенстона сатирические портреты Адамовича и Иванова, чьи имена не упомянуты, но угадываются безошибочно. Вот как Ченстон набросал эскиз Адамовича:

К иному критику в немилость
я попадаю оттого,
что мне смешна его унылость,
чувствительное кумовство,
суждений томность, слог жеманный,
обиды отзвук постоянный,
а главное - стихи его.
Бедняга! Он скрипит костями,
Бренча на лире жестяной;
Он клонится к могильной яме
Адамовою головой.

А вот шарж на Г. Иванова, выпустившего в этом же году сборник «Розы», и на Б. Поплавского, славящегося маньеризмами и нечистоплотностью:

И вообще: поэты много
о смерти ныне говорят;
венки и выцветшая тога -

обыкновенный их наряд.
Ущерб, закат... Петроний новый
С полуулыбкой на устах,
с последней *розой* бирюзовой
в изящно сложенных перстах,
садится в ванну. Все готово.
Уж вольной смерти близок час.
Но погоди! Чем резать жилу,
Не лучше ль обратиться к мылу,
Не лучше ль вымыться хоть раз? («Стихи» 240-241)

Сирин, писатель не привыкший писать на злобу дня, в рассказе «Уста к устам» (1933) прибегает к сатире, дабы обличить Адамовича и Иванова в вымогательстве крупной суммы денег на финансирование альманаха «Числа» у удачливого коммерсанта, но бездарного литератора, Александра Бурова. «Уста к устам» – трагикомический рассказ о вдовом русском эмигранте, торговце сантехникой, (устройством ваннх помещений), Илье Борисовиче, который на старости лет с любовным трепетом написал невероятно бездарный мелодраматический роман, озаглавив его «Уста к устам». К великому удивлению Ильи Борисовича редакторы модного парижского альманаха «Арион», Евфратский и Галатов, предложили ему поместить свой роман в их престижном альманахе, печатавшем «русских Джойсов». Но вместо ожидаемого номера, в котором должны были появиться первые главы романа, Илья Борисович получает известие из Парижа, что «Арион» прекратил свое существование. Причины, как оказалось, были финансовые. «Вполне

состоятельный» Илья Борисович, вошедший уже во вкус роли признанного литератора, не долго думая, «перевел в Париж некоторую сумму» («Уста к устам» 340, 346). В конце рассказа Илья Борисович, случайно подслушав в гардеробе театра разговор Галатова с Евфратским, узнает, что его печатают только из-за денег.

Параллельно с сатирой в рассказе разыгрывается вдохновенная пародия. «Уста к устам» – «текст-матрешка»: в рамку рассказа вставлен роман, написанный героем. Сириин в карикатурном виде передает его фабулу, оснащая ее избытком прямых цитат из романа, при этом оказывается, что злополучный роман Ильи Борисовича скроен из лоскутов произведений, напечатанных в «Числах» Адамовичем, Ивановым, Зинаидой Гиппиус, Ириной Одоевцовой, Раисой Блох, и самим Александром Буровым, на чьи деньги «Числа» финансировались. (2)

Приведя альманах Числа под пушкинским названием «Арион», Сириин, быть может, хотел напомнить своим парижским собратьям по перу о том, что, поднимая руку на Пушкина, они уподобляются гребцам из греческой легенды, попытавшимся ограбить и бросить за борт таинственного певца Ариона. (3)

Для пущей наглости, Сириин отправил рассказ «Уста к устам» в «Последние новости», литературным редактором которых был Адамович. Набранный уже было рассказ не напечатали: «разбили набор», сообщил Сириину Марк Алданов. (4)

К мистификациям обратился и Владислав Ходасевич, которого вряд ли можно было назвать большим весельчаком. В 1936 г., на литературном вечере в Париже, Ходасевич ознакомил публику с жизнью и творчеством мало известного поэта допушкинской поры Василия Травникова (1785-1820).

Ходасевич рассказал, как в 1906 г., во время летней прогулки в Валдайском уезде, он наткнулся на могилу с причудливой стихотворной эпитафией:

Василий Травников лежит под камнем сим.

Прохожий! Лживых слез не проливай над ним.

А в 1919 г. Ходасевич познакомился с родственником Травникова, и в его руки попал семейный архив, хранившийся в Ильинском, родовом поместье Травниковых. Ходасевич там обнаружил биографический очерк, письма, автографы, единственный экземпляр уничтоженного издания «Стихотворений Василия Травникова», подготовленного в 1818 г. (без согласия автора) редактором «Вестника Европы» Владимиром Измайловым, а также первое издание «Руслана и Людмилы» с карандашной надписью рукою Травникова:

Молодой автор тратит свои дарования на низкое зубоскальство. Следствие воспитания, коему начало положено сочинениями вроде «Опасного соседа» [Вас. Львовича Пушкина].

Рассказав биографию Травникова, Ходасевич прочитал выборочно несколько отрывков из стихотворений.

О сердце, колос пыльный!

К земле, костью обильной,

Ты клонишься, дремля.

«Эклога»

на сей замле, где учрежден один
закон неуголимого страданья, –
да страждет раб, коль страждет господин!

- - - -

Кто их знает, у забора
Злого духа или вора
Окликали петухи?
Но взошли лучи багряны,
И на росные поляны
Скот выводят пастухи.

Под напевами свирели,
Затихая, присмирели
Холмы, рощи и поля, –
Но обманчивая тихость
Затаила злость и лихость
Изнурительного дня.

В заключение Ходасевич объявил Травникова забытым звеном в истории русской поэзии рубежа XVIII-XIX вв., утверждая, что «не Карамзин, не Жуковский, не Батюшков, а именно Травников начал сознательную борьбу с условностями книжного жеманства, которое было одним из наследий XVIII столетия», и что от Травникова идет прямая линия к поэзии Боратынского» («Собрание сочинений» 115). Ходасевич напечатал свои «открытия» в февральских номерах «Возрождения» (№№ 3907, 3914, 3921). Адамович в

«Последних новостях» восторженно провозгласил Травникова «самым одаренным поэтом, новатором, учителем. Достаточно услышать одно из его стихотворений, чтобы убедиться в этом» («Последние новости». 1936. № 5439).

Травников не первый «Василий», от которого пострадал маститый писатель. В 1923 г. в Мариенбаде Горький как-то пожаловался Ходасевичу, что литературный редактор берлинского «Руля», Ю. Айхенвальд, «несправедливо бранит» новые рассказы Горького, якобы «сводя политические и личные счеты». Ходасевич, не сомневаясь в честности Айхенвальда, предложил Горькому напечатать в следующем номере журнала «Беседа», который они совместно редактировали, два рассказа Горького – один под настоящим именем, другой под псевдонимом «Василий Сизов». В рецензии Айхенвальда на 4-ю книгу «Беседы», «Сизову досталось едва ли не больше, чем Горькому». Но зато, когда из Москвы приехал в Сорренто советский писатель Андрей Соболев, он с похвалой говорил Горькому о разных вещах, напечатанных в «Беседе», в том числе о рассказах Горького, – и вдруг выпалил: – «А вот какого-то Сизова напрасно вы напечатали. Дрянь ужасная» (Ходасевич 275-276).

Интересно вообразить, как потешался Сирин по поводу Василия Сизова, или слушая доклад про Василия Травникова (сам Сирин прочитал на этом вечере несколько своих произведений), или, наконец, читая восторженный о нем отклик Адамовича. Блестящий розыгрыш Ходасевича, возможно, натолкнул Сирина на следующую проделку.

В 1939 г. умер Ходасевич. Сирин откликнулся на это событие в № 69 «Современных записок» известным «Некрологом», а также менее известным стихотворением «Поэты». Но, в отличие от некролога, который Набоков подписал псевдонимом «В. Сирин», стихотворение «Поэты», написанное крайне

редким для Сирина размером (4-стопный амфибрахий), он подписывает именем «Василий Шишков» (См.: Сирин 262-263; Шишков 214-215). (Не в честь ли Василия Травникова?) В последней строке обыгрывается в трагическом ключе название сборника Ходасевича «Путем зерна» (1920).

...

Сейчас переходим с порога мирского
в ту область... как хочешь ее назови:
пустыня ли, смерть, отрешенье от слова,
иль, может быть, проще: молчанье любви.

Молчанье далекой дороги тележной,
Где в пене цветов колея не видна,
Молчанье отчизны - любви безнадежной -
Молчанье зарницы, *молчанье зерна.*

Г. Адамович, который обычно выражал недовольство по поводу всего, что писал Сирин, с энтузиазмом, напоминающим его восторг по поводу Василия Травникова, приветствовал нового поэта:

В «Поэтах» Шишкова талантлива каждая строчка, каждое слово, убедителен широкий их напев и всюду разбросаны то находки, то неожиданный верный эпитет, то неожиданные и сразу прельщающие повторения, которые никаким опытом заменить нельзя... Кто это Василий

Шишков? Откуда он? Вполне возможно, что через год-два его имя будут знать все, кому дорога русская поэзия. (5)

Ожидал ли Сирин такой счастливой развязки, сегодня решить трудно. Но вдохновленный удачной уловкой, он продолжил розыгрыш и вскоре отправил Адамовичу в «Последние новости» свой последний русский рассказ под названием «Василий Шишков». В рассказе Сирин описывает свое короткое знакомство с молодым поэтом Василием Шишковым, который оставил автору тетрадь отличных стихов, а затем таинственно и навсегда исчез, как будто растворился в воздухе. (6)

Недавно по моему почину - пишет Сирин в своем рассказе - одно из них появилось в свет, и любители поэзии заметили его своеобразность [...] («Василий Шишков» 410).

Раскрыв, таким образом, всю мистификацию – из рассказа понятно, что речь идет о стихотворении «Поэты» приписанном Шишкову – Сирин запустил в Адамовича еще одну «шишку», или по крайней мере показал Адамовичу «шиш».

Прочитав рассказ, Адамович было подумал, не разыгрывает ли его Сирин, как его разыграл недавно Ходасевич своим Василием?

Каюсь, у меня даже возникло подозрение, не выдумал ли все это Сирин, не выдумал ли он начисто и Василия Шишкова и его стихи? Правда, стихи самого Сирина, совсем в другом роде. Но если вообще можно сочинить

что-либо за иное сознание, на чужие, интуитивно найденные темы, то для Сирина, при его даровании и изобретательности, это допустимо вдвойне («Последние новости». 1939).

Но Адамович отмечает такую возможность, что Сирин, при всем его таланте, мог бы написать такие хорошие стихи, и продолжает надеяться, что Василий Шишков еще вернется.

Было бы очень жаль, если бы беглец Шишков оказался существом метафизическим; было бы большой отрадой узнать другие его сочинения и убедиться, что умолк он не окончательно (Ibid.).

Это были последние слова Адамовича в «Последних новостях». Началась война, Адамович вскоре после этого эпизода поступает добровольцем во французскую армию, в Иностранный Легион, а Сирин, накануне капитуляции Парижа, в мае 1940 г., покидает Францию. Но и на американском континенте Набоков не перестает бросаться шишками. На вечере поэзии в Нью-Йорке Набоков рассказал во вступительном слове про «скромный маскарад», которым он разыграл когда-то Адамовича, и затем прочитал стихотворение «Поэты». В Библиотеке Конгресса сохранился автограф этого вступительного слова и есть в нем один любопытный абзац, который, к сожалению, Набоков зачеркнул и, скорее всего не прочитал на этом вечере:

Это было накануне немецкого нашествия, и Марк Александрович Алданов, человек значительно более разумный чем я, помнится,

недоумевал – как можно-де заниматься такими пустяками в такое время?

(7)

Последняя шишка в Адамову голову относится к 1975 г. Уже без всякой мистификации, Набоков вспоминает о двух страстях покойного к тому времени Адамовича: к отечественной поэзии и мужеложеству. (8)

Примечания

(1) О полемике Ходасевича с Адамовичем см.: Струве 199-222; Hugglund 515-526; Bethea 317-331, “The Adamovich-Khodaseich Polemics” in *Slavic and East European Journal*, vol. 20 (Fall 1976), pp. 239-252.

(2) Название «Уста к устам» взято из стихотворения Раисы Блох «Мой город» («Числа» № 2/3); «вспышка любви» между Долининым и «случайной соседкой по ложе» Ириной заимствована из романа А.Бурова «Была земля» («Числа» № 5, 6, 7/8). Сцену у гардероба Сирина взял напрокат из романа Иванова «Третий Рим» и рассказа Адамовича «Рамон Ортис» («Числа» № 2/3, 5). Роскошную трость, причинившую Илье Борисовичу в жизни столько горя, Сирина одолжил у Зинаиды Гиппиус из рассказа «Перламутровая трость» («Числа» № 7/8). У Сирина была и личная причина кольнуть изящной тростью видную поэтессу за ее нелепое пророчество в 1916 году. Прочитав книжку юношеских стихов семнадцатилетнего Набокова, Зинаида Гиппиус сказала его отцу: «Пожалуйста, передайте вашему сыну, что он никогда писателем не будет» (Boyd 121).

«Темпераментная запятая», которую редактор Ефратский вставил как единственную поправку красным карандашом в рукопись Ильи Борисовича, угодила туда из рассказа А. Бурова «Мужик и три собаки» («Числа» № 9). На

первой его странице наборщик вставил между двумя абзацами из ряда вон никудашную запятую. Фамилия Ефратского взята из романа Иванова «Третий Рим», а имя Галатова отсылает к Адамовичу, который инициалами Г. А. подписал в «Числах» № 7/8 похвальную рецензию на роман Бурова «Была земля». Пьеса «Черная пантера», которую Илья Борисович пошел смотреть, но так и не посмотрел, забрела в рассказ из «Баллады о Гумилеве» Ирины Одоевцевой, жены Г. Иванова («Числа» № 2/3).

(3) Легенда рассказана Геродотом и Овидием. Пророческая интерпретация пушкинского «Ариона» должна быть пересмотрена в свете этой легенды.

(4) Он появился в сборнике «Весна в Фиальте» лишь в 1956 г., «когда все, кого можно было заподозрить, благополучно и безнаследно выбыли из жизни» [“by which time everybody who might have been suspected of remotely resembling the characters in the story was safely and heirlessly dead”] (*A Russian Beauty and Other Stories* 46).

(5) Адамович. «Обзор стихов...». См. тж. вступление к английскому изданию «Василия Шишкова» («Наконец-то в нашей среде родился великий поэт!») (*Tyrants Destroyed* 205-206).

(6) «Василий Шишков» появился в «Последних новостях» 12 сентября 1939 г. В этом имени сливается Василий Травников и Пуля Шишков, герой автобиографического рассказа Набокова «Лебеда». Сам Набоков объясняет концовку рассказа так: “[...] the strange case of one poet dissolving in another.” См. комментарии Набокова к обоим текстам: *Poems and Problems* 95, *Tyrants Destroyed* 204-206. См. предисловие А. Долинина и комментарии О. Сконечной: Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода. В 5-ти т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 9-10, 739-740.

Растворение это можно понять следующим образом: в самом конце своего русско-европейского периода Сирин завещал авторство двух своих последних произведений собственным любимым героям: Шишкову (стихотворение «Поэты») и Федору Годунову-Чердынцеву (роман «Дар»). После этого сам Сирин перевоплотился в американского писателя Набокова.

Василий Шишков в этом рассказе предлагает учредить новый ежемесячник, озаглавленный «Обзор страдания и пошлости» и призванный собирать наиболее вопиющие примеры, почерпнутые из ежедневной прессы. В свое время Пушкин собирался издавать подобный журнал под названием «Revue des Bevués». См. письмо Пушкина брату от 1-10 января 1823 года.

(7) Я очень признателен моему коллеге А. Долинину за восстановление этого зачеркнутого текста.

(8) “He had only two passions in life: Russian poetry and French sailors” (*Tyrants Destroyed* 206).

Библиография

- Адамович, Г.В. Встреча Сирина и В. Ходасевича // Последние новости. 1936 (13 февраля). № 5439.
- Адамович Г.В. Литературные заметки // Последние новости. 1939 (22 сентября).
- Адамович Г. В. Обзор стихов // Последние новости. 1939 (17 августа).
- Адамович Г.В. О стихотворении «Поэты» Вас. Шишкова // Современные записки. 1939. № 69.
- Иванов, Г.В. В. Сирин («Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина, Возвращение Чорба») // Числа.1930. № 1.
- Набоков В.В. Василий Шишков // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода. В 5-ти т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000.
- Набоков, В.В. Дар // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода. В 5-ти т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2000.
- Набоков В. В. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Согласие, 1997.
- Набоков В.В. Стихи. Ann Arbor: Ardis, 1979.
- Набоков В.В. Уста к устам // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода. В 5-ти т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000.
- Сирин, В. О Ходасевиче // Современные записки. 1939. № 69. С. 262-263.

Струве Г.П. Русская Литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.
Ходасевич, В. В. Горький. Париж: YMCA-Press.
Шишков, Василий. Поэты // Современные записки. 1939. № 69. С. 214-15.

Boyd, Brian. *Vladimir Nabokov: the Russian years*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
Bethea, David. *Khodasevich: His Life and Art*. Princeton: Princeton University Press, 1983.
Hugglund, Roger. "The Russian Émigré Debate of 1928 on Criticism" in *Slavic Review*, vol. 32, No. 3 (1973).
Nabokov, Vladimir. *A Russian Beauty and Other Stories*. Translated by Dmitri Nabokov and Simon Karlinsky with Vladimir Nabokov. New York: McGraw-Hill, 1973.
----- *Poems and Problems*. New York: McGraw-Hill, 1976.
----- *Tyrants Destroyed and Other Stories*. Translated by Dmitri Nabokov with Vladimir Nabokov. New York: Phaedra, 1966.